

Глава 4

Старуха Сяо привыкла верховодить и никогда не давала себя в обиду. Не раз и не два она с боем врывается в чужие квартиры из-за пары гнилых досок или куска жести — во всём жилом квартале за ней закрепилась слава бабы вздорной и опасной. Даже самые ушлые соседки и прижимистые невестки старались не переходить ей дорогу.

Кем был Шэнь Юй? Раньше — податливым тестом, из которого старуха Сяо лепила что хотела. Она привыкла помыкать им, как вздумается, но сегодня мир словно перевернулся. Этот щенок не только посмел стащить яйца, припрятанные для любимого внука, но и выставил её на посмешище перед всеми соседями, дерзко отвечая в лицо.

Разве могла она такое стерпеть?

Старуха вскинулась, точно боевой петух, которому выщипали гребень. С воплем она бросилась в атаку:

— Ах ты, выродок! Язык распустил?! Ну, держись, сейчас я из тебя всю душу вытрясу!

Несмотря на возраст, голос её гремел, а натиск был страшен. Шэнь Юй же, хоть и был уже почти взрослым парнем, выглядел болезненно худым и хилым — даже тринадцатилетний сын соседа Вана казался на его фоне крепче. К тому же лихорадка ещё не окончательно отпустила его: он стоял на лестнице, пошатываясь, и казалось, вот-вот рухнет вниз.

Видя столь явное неравенство сил, соседи не выдержали. Стоило старухе Сяо сорваться с места, как несколько молодых женщин инстинктивно загородили парня. Неужели они позволят этой безумной забить ребёнка до смерти прямо у них на глазах?

Крохотная гостиная семьи Сяо мгновенно наполнилась людьми. Между Шэнь Юем и разъярённой старухой выросла живая стена. Соседки постарше вцепились в неё мёртвой хваткой, удерживая на месте.

Задыхаясь от ярости, старуха Сяо видела, как Шэнь Юй за спинами женщин едва заметно усмехается ей в лицо. От бессильной злобы её едва не хватил удар. Она разразилась яростным, неистовым рыком:

— Убью! Я тебя убью!

Соседи морщились от оглушительного визга, поражаясь её здоровью и мощи, но рук не разжимали. Выдержит ли хрупкий Шэнь Юй хотя бы пару её ударов? Хватку лишь усилили.

Тем временем подошёл час конца смены. Соседи удерживали старуху ещё какое-то время, и вскоре остальные члены семьи Сяо начали возвращаться домой.

Первыми в квартиру вошли отчим Шэнь Юя, Сяо Цзяньшэ, и его мать, Лян Фэнся. Стоило им ступить во двор, как услужливые соседи тут же просветили их о случившемся.

Лица обоих при входе в дом не предвещали ничего хорошего. Увидев сына, старуха Сяо мгновенно преобразилась: на смену ярости пришла горькая обида. За всю жизнь она не чувствовала себя такой униженной. Чтобы какой-то сопляк гадил ей на голову?! Пока этот неблагодарный выродок не получит по заслугам, она не успокоится!

— Сын, наконец-то ты пришёл! — запричитала она, вцепившись в руку Сяо Цзяньшэ. От недавней свирепости не осталось и следа — теперь она выглядела как несчастная мать, которую едва не довели до инфаркта. — Если бы ты не вернулся, твою старуху-мать совсем бы заклевали!

Лян Фэнся стояла рядом, сгорая от стыда. Она втайне злилась на сына за его «неразумность». Она так тяжело трудится в этой семье, почему этот ребёнок не может просто быть послушным?

По привычке она хотела было схватить сына за руку, отчитать и заставить извиниться, но Шэнь Юй предусмотрительно забился в самый угол за спины соседок. Женщине было до него не дотянуться.

Ей ничего не оставалось, кроме как заискивающе улыбаться свекрови:

— Мама, Сяо Юй ещё мал и глуп, не принимайте близко к сердцу. Я обязательно его отругаю.

В ответ старуха лишь одарила её презрительным взглядом.

Сяо Цзяньшэ тоже был не в духе. Он никогда не жаловал пасынка и старался его не замечать. Шэнь Юй обычно платил тем же — не лез на глаза, не создавал проблем, и это позволяло им сохранять видимость мира. Но сегодняшняя скандал был верхом неприличия. О нём, взрослом мужчине, пойдёт слава, будто он обделяет едой ребёнка бывшей жены. Разве это достойно?

Нацепив маску спокойствия, Сяо Цзяньшэ попытался урезонить мать:

— Мама, успокойтесь. Ну, съел пару яиц, дело-то житейское. Ребёнок проголодался, вот и взял. К чему эти крики про воровство? Хватит уже.

Старуха Сяо опешила. Сын?! Родной сын заступает за этого приبلудного щенка вместо неё?!

Цзяньшэ, незаметно применив силу, потащил мать в комнату. Проучить парня можно будет и за закрытыми дверями, незачем устраивать представление на глазах у соседей.

Старуха не понимала его логики, но привыкла слушаться мужа и сына. Одарив Шэнь Юя

напоследок испепеляющим взглядом, она замолчала. Соседи, заметив этот взгляд, невольно поёжились от нехорошего предчувствия.

— Что вы все тут столпились? — В дверях появился глава семьи, старик Сяо. Одну руку он держал за спиной, другой вёл маленького внука, Сяо Цзяяо, которого только что забрал из яслей.

Он был истинным патриархом, уважаемым рабочим мебельной фабрики, и всегда держался с достоинством, за что имел большой вес в округе. Похоже, ему тоже успели донести новости. Прямо при соседях он, не выбирая выражений, отчитал старуху за скудоумие — мол, взрослая женщина из-за пары яиц сцепилась с младшим членом семьи.

Перед мужем старуха Сяо теряла всю свою спесь. Уткнувшись в плечо сына, она не смела проронить ни звука.

Закончив со старухой, старик Сяо подозвал Шэнь Юя тоном мудрого и любящего деда:

— Глупое ты дитя. Захотелось яиц — почему не сказал мне? Мог бы и к дяде подойти. И не слушай ты мать свою, она вечно всё путает.

Затем он повернулся к Лян Фэнся:

— И ты хороша. Наша семья не настолько бедна, чтобы не накормить ребёнка. Зачем было говорить матери, будто Сяо Юй не любит яйца и его от них тошнит? Раз уж мы согласились прописать его у себя, разве мы стали бы морить его голодом?

Шэнь Юй мысленно зааплодировал. Как тонко дед всё обставил! Одним махом снял вину со старухи — она, мол, просто «запуталась», — и выставил Лян Фэнся виноватой в жестокости к собственному сыну.

И Лян Фэнся не могла возразить — ведь она действительно когда-то это говорила.

Старик Сяо очень дорожил репутацией. Когда Шэнь Юй только переехал к ним, тот на людях всегда старался соблюдать видимое равенство между детьми. Это сама Лян Фэнся, желая угодить Сяо Цзясинь, которая терпеть не могла брата, во всеуслышание заявила о его «нелюбви» к яйцам.

Раз родная мать так сказала, станут ли остальные разбираться? Постепенно это вошло в привычку: Шэнь Юя обделяли всем лучшим, и старуха уже и думать забыла о тех словах, а вот старик память имел отменную.

В книге, которую читал Шэнь Юй, старик Сяо изображался безупречным: справедливый, мудрый, главная опора для главного героя в семье. Даже в памяти прежнего владельца тела он

остался светлым пятном — парень подсознательно тянулся к нему, питал неосознанную сыновнюю привязанность и жаждал одобрения.

Но был ли он так хорош на самом деле?

Возможно, для своего кровного внука он и был идеалом, но к Шэнь Юю он относился с тем же безразличием, что и остальные, просто умело скрывал его за маской благопристойности. Этот старик был куда опаснее своего сына.

Расчёт сработал: соседи понимающе закивали. Ну конечно! Семья Сяо не из бедных, с чего им так притеснять мальчишку? Это Лян Фэнся оказалась нерадивой матерью — ради спокойной жизни в новом доме готова была бросить родное дитя на произвол судьбы.

Лян Фэнся стояла, опустив голову, не смея пикнуть. В душе она проклинала и сына, и «этого старого козла», который выставил её на посмешище. Если бы не он, она давно бы уже прибрала этот дом к рукам.

Старуха Сяо, почувствовав поддержку, снова вскинулась:

— Ах ты, вертихвостка! Да ты...

— Довольно! — Старик Сяо оборвал её на полуслове. Глупая баба, разве не видит, что сейчас не время сводить счёты? — Простите, соседи, за это представление. Время обеденное, пора по домам.

Вежливо спровадив любопытных, он подал знак сыну, чтобы тот увёл старуху. Когда в дверях остались лишь свои, он с улыбкой обратился к Шэнь Юю:

— Впредь, если чего захочется, говори сразу мне. Не бери пример с матери. Ты мужчина, должен быть выше этого.

Шэнь Юй звонко отозвался, расплываясь в ответной улыбке:

— Спасибо, дедушка! Я теперь всё буду кушать. И яйца, и мясо, и рис, и лапшу — от всего мне только лучше будет. Я совсем не привередливый!

Раз старик хочет играть в доброго дедушку — пожалуйста. Лишняя порция еды никогда не помешает.

А спасти репутацию Лян Фэнся он не собирался. Жизнь прежнего владельца тела превратилась в трагедию не без её участия. Эту «мать» юноша признавать не желал.

Старик Сяо на мгновение замер. Такой наглости он не ожидал — парень буквально поймал его на слове. Раньше Шэнь Юй и рта раскрыть не смел, а теперь...

Но отступить было нельзя, чтобы не уронить лицо перед домашними.

— Ладно, — процедил старик сквозь зубы, продолжая улыбаться. — Appetit — это хорошо. Жена, приготовь на обед побольше яиц, пусть Сяо Юй поправится.

Старуха хотела было возразить, но встретила ледяной взгляд мужа и осеклась. Зато подал голос маленький Сяо Цзяю:

— Не дам! Это мои яйца! Он не Сяо, нечего ему нашу еду жрать!

Эти слова, явно подслушанные у взрослых, заставили соседей, ещё не успевших разойтись, снова замереть у окон.

Шэнь Юй впервые внимательно посмотрел на этого ребёнка, в котором текла половина его крови. Пятилетний малец с густыми бровями был вылитой копией своего отца. Именно ради него Лян Фэнся в будущем заставит Шэнь Юя бросить школу и уступить своё место на заводе, чтобы к совершеннолетию Цзяю «местечко» было прогрето.

Кто же знал, что государственные гарантии скоро станут пылью? Сяо Цзяю не успеет подрасти, а Шэнь Юй первым окажется на улице.

Но сейчас всё было иначе. Шэнь Юй не позволит втянуть себя в эти интриги. К этому избалованному мальчишке он не чувствовал ни грамма братской любви.

Не желая спорить с ребёнком, юноша перевёл взгляд на мать, и в его глазах застыла неподдельная горечь:

— Мама, почему брат так говорит? Ты же сама твердила, что мы с ним — единственные родные люди в этом доме, и должны всегда держаться друг друга...

Лян Фэнся побледнела.

— О чём ты... Да когда я...

— Молчать! — Старик Сяо потемнел лицом. — Всем в дом!

Шэнь Юй не двинулся с места:

— Мама, раз даже брат меня гонит... Наверное, зря я тебя послушал. Ты говорила, что тебе здесь одиноко и некому защитить, умоляла приехать... Теперь Цзяю подрос, он твоя опора. Пожалуй, мне пора возвращаться в деревню. Отец говорил — он всегда найдёт для меня кусок хлеба.

<http://bllate.org/book/15805/1422165>